

Глава 2

Михаил Степанович Андреев: путь человека и ученого

Невозможно оценить деятельный вклад М.С. Андреева в создание южноазиатского собрания МАЭ (и тем самым в российскую и особенно петербургскую индологию) без хотя бы краткого обзора его личной и научной биографии, основных периодов и важнейших моментов его жизни. Мы не претендуем здесь на какие-то открытия: личность М.С. Андреева и его научная деятельность так значительны, что к их описанию и осмыслению уже многократно обращались и до нас. Более всего — в связи с его трудами по региону Центральной (Средней) Азии. Высоко ценны сведения, сообщенные супругой Михаила Степановича А.К. Писарчик: ее статья о М.С. Андрееве была опубликована в «Трудах» Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

В 1960 г. в Сталинабаде вышла книга «Памяти Михаила Степановича Андреева», к которой прилагается список опубликованных научных работ М.С. Андреева (54 названия) и описание его научного архива [Памяти 1960].

Полезнейшим пособием стали для нас труды главных биографов Михаила Степановича — Хадичи Файзиевны и Наримана Мансуровича Акрамовых, прежде всего их книга «Востоковед Михаил Степанович Андреев», вышедшая в Душанбе в 1973 г.,

к столетию со дня его рождения и основанная на глубоком изучении множества архивных и других научных материалов [Акрамова, Акрамов 1973].

Уникальные сведения о работе российских ученых в Индии находим в трудах Т.Н. Загородниковой, прежде всего и книге «Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг.» [Загородникова 1999].

В наших целях мы стремимся выявить и подчеркнуть те качества личности М.С. Андреева и события его жизненного пути, которые позволили ему достичь серьезных успехов в индологическом направлении его деятельности.

М.С. Андреев родился в эпоху экономического и культурного освоения русскими Туркестана. Его отец Степан Митрофанович в 14 лет стал служащим у купца из Оренбурга, который вел торговлю со Средней Азией и отправлял юношу в эти края сопровождать свои караваны. Времена были беспокойные, еще шли военные действия, и Степану Митрофановичу пришлось подолгу оставаться жить в степи, среди казахов. Он хорошо узнал их быт и выучил язык. Так что в известном смысле Михаил Степанович со своим увлечением Востоком шел по «наторенной дорожке». Его отец со временем поселился в Ташкенте.

Михаила Степановича можно отнести к разряду тех везучих людей, кто рано определяет свои профессиональные склонности и делает этот выбор успешным смыслом своей жизни. «Деятельность М.С. Андреева, — писала А.К. Писарчик, — в наибольшей степени определили две страсти — к путешествиям и к исследованию быта и культуры народов посещаемых стран. Он побывал во многих районах России — от Сибири до Кавказа, но больше всего путешествовал по Туркестану и прилегающим к нему странам и регионам» [Писарчик 1977: 126].

Дата рождения М.С. Андреева — 11 (24) сентября 1873 г. Для получения образования он был отправлен родителями, хотя и небогатыми людьми, в Ташкентскую мужскую гимназию, где проучился шесть лет. Однако он прошел лишь четыре года основного гимназического курса. В 1889 г. он перешел учиться в созданную

незадолго до этого Туркестанскую учительскую семинарию, так как там была хорошая возможность изучать несколько восточных языков (персидский / таджикский, узбекский и даже арабский), к чему у юноши проявился особый интерес.

«Я почувствовал некоторый интерес к местным языкам, которые я не знал, и начал стремиться к их изучению. Это тогда было для не имеющего руководства и пособий мальчишки очень трудно, вернее даже невозможно. Я оставил поэтому гимназию и перешел в местную учительскую семинарию, где тогда преподавались местные языки» (цит. по: [Акрамова, Акрамов 1973: 32]).

Сама судьба словно бы благоволила к М.С. Андрееву, исполняя многие его замыслы и, в частности, положив на его жизненном пути ряд знаменательных встреч с людьми, которые могли способствовать его профессиональному совершенствованию.

Так, в то время, когда М.С. Андреев поступил в ташкентскую Туркестанскую учительскую семинарию, там, в частности, преподавал Владимир Петрович Наливкин (1852–1918). Это была видная фигура российских туркестанских кампаний времен М.Д. Скобелева. В.П. Наливкин — участник известных хивинского и кокандского походов 1873–1875 гг. Фактически он явился и одним из первых российских востоковедов-практиков, знатком языков и культуры народов Средней Азии. Его глубоко интересовали эти предметы и, выйдя из армии в отставку (из-за нравственных несогласий с методами действий М.Д. Скобелева), он перешел на гражданскую административную должность помощника начальника Наманганского уезда Ферганской области и значительную часть своей жизни посвятил их изучению.

Но впоследствии он оставил и эту службу и сосредоточился на этнографическом и лингвистическом изучении края, а также на просветительской (в чем-то и «культуртрегерской») деятельности. Вместе со своей женой (М.В. Наливкиной) он занялся исследованием социальных отношений у местного населения,

в частности, они в деталях описали общественное положение и быт женщин оседлых жителей Ферганской области.

В.П. Наливкин работал в «русско-туземной» школе в Ташкенте, а через некоторое время стал преподавать узбекский и таджикский языки в упомянутой Туркестанской учительской семинарии, которая, в частности, готовила преподавателей уже для сети русско-туземных школ. Позже он занимал некоторые важные административные должности (с 1890 по 1895 г. — должность инспектора народных училищ Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей Туркестанского края, а с 1901 г. — помощника военного губернатора Ферганской области), но продолжал и научную деятельность. Им был написан ряд трудов. «Краткая история Кокандского ханства» после издания в 1886 г. в Казани в 1899 г. была переведена на французский язык и опубликована в Париже. Были работы по истории, современному положению и задачам народного образования в Туркестанском крае и др. Подготовлен и издан ряд учебно-методических пособий и словарей (узбекско-русский и русско-узбекский, персидско-русский и русско-персидский), грамматика узбекского языка.

В.П. Наливкин принял активное участие и в общественно-политической жизни края. Так, 19 июля 1917 г. он занял должность председателя Туркестанского комитета Временного правительства и тем самым получил всю полноту местной исполнительной власти. Но в дальнейшем его политическая карьера не сложилась, личные надежды и политические взгляды не оправдались. И 20 января 1918 г. он по собственной воле ушел из жизни.

Несомненно, что вклад В.П. Наливкина в культурную историю края был очень значителен, его научная и преподавательская деятельность составляют в ней незабываемую страницу. Очевидно и то, что этот военный, ученый, практик оставил здесь часть своей души, во многих его поступках сквозит искренняя любовь «к земле и людям Туркестана». Очевидно, что этот пример оказал немалое влияние на М.С. Андреева, который называл В.П. Наливкина прекрасным преподавателем и ценил его как известного знатока языков и быта Средней Азии. И о самом М.С. Андрееве

тоже можно сказать, что он всей своей душой был по-настоящему привязан к этому краю.

В мужской учительской семинарии, куда Михаил Андреев был принят по конкурсу (успешно сдал вступительные экзамены), курс обучения длился четыре года. Программа занятий была достаточно широкой: здесь преподавались, кроме местных, русский и церковно-славянский языки, закон божий, русская и общая история, а также география, физика и математика, черчение, рисование и другие дисциплины, даже пение и музыка.

Здесь обучали столярному и сапожному ремеслу, а наряду с этим — восточной каллиграфии. В семинарии готовили преподавателей для местных русских и «русско-туземных» школ, с выраженной целью «обрусения» местного населения. В известном смысле это была некая особая арена взаимного узнавания разных культур.

Для М.С. Андреева узнавание Востока составляло главную задачу. Поэтому встреча с опытным в этом отношении В.П. Наливкиным была для него настоящим подарком. Когда же уровень преподавания местных языков в семинарии перестал его удовлетворять (это случилось после ухода Наливкина из училища), он стал самостоятельно пополнять свои знания в области языков и культуры народов Средней Азии. Это было замечено начальством семинарии, и В.П. Наливкин, узнав об усердии и заинтересованности ученика, начал давать ему уроки у себя на дому.

Страсть к путешествиям и полевым исследованиям культуры и быта местных народов зародилась у М.С. Андреева с тех семинарских лет. Даже время болезни (бронхит и плеврит), вынудившей его родителей послать сына в киргизский горный аул «на кумыс», было использовано им для изучения языка и быта еще одного восточного народа — киргизского. Возможно, в этом также сказалось руководство В.П. Наливкина, который инициировал летние (каникулярные) выезды семинаристов в различные населенные пункты для сбора этнографических и фольклорных материалов, что развивало у учащихся комплексный подход к изучению культуры местных народов. Во всяком случае, для

М.С. Андреева этот подход стал главным и обязательным во всей его самостоятельной научной работе.

Обучаясь в семинарии, М.С. Андреев искал для себя иных источников познания местных культурных традиций и для этого поступил в ташкентское медресе Ишан-Кули-Додхо. Это было необычным поступком и вызвало удивление и уважение учащихся и преподавателей. М.С. Андрееву удалось сблизиться с казием и мударрисом медресе, договориться об уроках языков и литературы Средней Азии, которые он получал в течение более двух лет. Они помогли ему усовершенствовать теоретические и практические филологические знания. Сам М.С. Андреев считал, что учеба и знакомства в медресе открыли ему «реальную жизнь, строй мышления, верования, обычаи» местных людей.

«В общем, это как-то хорошо открыло и мое сердце, и приучило уважать и хорошо относиться к людям, и видеть в них доброе и хорошее там, где язык и уклад жизни не походили на те, в окружении которых я вырос в детстве» (цит. по: [Акрамова, Акрамов 1973: 36]).

По окончании в 1893 г. семинарии М.С. Андреев был назначен заведующим вечерними курсами при Ходжентском приходском училище, одновременно он стал преподавать местные языки в той семинарии, которую только что закончил. Вскоре он совершил и свои первые поездки с научно-исследовательскими целями по горной части Ходжентского и Самаркандского уездов, проявляя интерес как к этнографии, так и к археологии. И его увлечение наукой было вскоре же вознаграждено открытиями (надписей в Ворухском ущелье и др.). Продолжил он и лингвистические занятия: так, в 1895 г. совершил поездку в Бухару для изучения таджикско-бухарского наречия, проделав непростой в те времена путь через Самарканд, частично по железной дороге, а в основном — верхом.

И снова М.С. Андреева ждала знаменательная встреча, во многом определившая дальнейшую жизнь. В 1896 г. он поступает (по рекомендации от В.П. Наливкина) секретарем на службу

к А.А. Половцову, чиновнику особых поручений Министерства внутренних дел, совершавшему деловые поездки по Сибири, Средней Азии и Закавказью для изучения «переселенческого дела». Александр Александрович Половцов (1832–1909), дворянин, некогда получивший образование в Петербургском училище правоведения, важный сановник, близкий к самым высоким слоям общества, любитель прекрасного, коллекционер, эрудит, сделавший большую государственную карьеру и много послуживший российской науке и культуре. Он участвовал в создании художественно-учебного училища барона А.Л. Штиглица, был инициатором образования в 1865 г. и многие годы главой Русского исторического общества. На его средства издавался энциклопедический «Русский биографический словарь» со сведениями о жизни и деятельности выдающихся деятелей России, он явился главным собирателем и спонсором музея при училище А.Л. Штиглица. Он оценил выдающиеся способности и знания М.С. Андреева и принял участие в его судьбе. Во многом замыслы и вкусы этих людей совпадали, прежде всего это проявлялось в остроте и широте научно-исследовательских интересов, в неутомимости познавательного труда.

Видимо, с одобрения А.А. Половцова М.С. Андреев и в служебных поездках по краям Средней Азии продолжал научные исследования, а также сбор коллекций. В декабре 1896 г. в Ташкенте был создан Туркестанский кружок любителей археологии. М.С. Андреев был в числе его организаторов и затем — активнейшим участником на протяжении всего существования кружка (до 1917 г.), выступая на заседаниях с докладами, исполняя изыскательские поручения.

В 1898 г. М.С. Андреев был приглашен и принял участие в Турфанской экспедиции Российской академии наук, организованной В.В. Радловым и возглавленной Д.А. Клеменцем, которая увенчалась блестящими результатами. В октябре 1899 г. совместно с А.А. Половцовым он произвел раскопки, тоже с интересными находками (оссуарии из дома Максума Фузаилова), в Самарканде. И впоследствии почти ежегодно, хотя бы раз в году,

М.С. Андреев совершал научно-исследовательские и собирательские поездки по Средней Азии.

Сопутствуя А.А. Половцову, М.С. Андреев в 1897 г. побывал в Петербурге, где смог познакомиться с крупнейшими российскими востоковедами — иранистом К.Г. Залеманом, тюркологом В.В. Радловым, индологом С.Ф. Ольденбургом. По-видимому, он имел с ними серьезные собеседования, в том числе состоялись языковые занятия. Впоследствии эти ученые давали очень благоприятные отзывы о нем как о востоковеде. Биографы К.Г. Залемана даже относили М.С. Андреева к числу учеников известного ираниста. Зимой 1898–1899 гг. М.С. Андреев в качестве секретаря А.А. Половцова провел в Париже, где, надо думать, не упустил шанса потренироваться в живом французском языке. Он любил изучать языки и владел многими, не только восточными, но и западными: у него был природный талант лингвиста. О М.С. Андрееве рассказывали, что он так хорошо владел языками и даже диалектами жителей Средней Азии, что «каждый собеседник считал его своим соплеменником» [Акрамова, Акрамов 1973: 49]. Совпадение научных интересов А.А. Половцова и М.С. Андреева проявилось, в частности, в их общем труде, вышедшем в свет в 1911 г. [Андреев, Половцов 1911].

А.А. Половцов не оставлял вниманием М.С. Андреева практически до конца своей жизни. Этот государственный человек (а он с 1883 г. в течение девяти лет был государственным секретарем, имел звание статс-секретаря императора Александра III, являлся влиятельной персоной в Государственном совете) способствовал продвижению М.С. Андреева по службе в серьезных государственных целях. В частности, вероятно, по его рекомендациям интерес к М.С. Андрееву проявило Военное министерство. Когда в 1905 г. А.А. Половцов был назначен российским генеральным консулом в Бомбее, М.С. Андреев вместе с ним в качестве секретаря (а однажды в течение двух месяцев он замещал заболевшего консула) попал в Индию, где у него, по всей очевидности, была особая миссия (см. документы №№ 172, 173 [Русско-индийские]).

Этой миссии М.С. Андреева посвящена специальная статья [Загородникова 2001: 102–110]. В ней автор снимает печать умолчания с истории жизни и деятельности М.С. Андреева в этот «индийский период», которая, судя по документам, была связана с задачами российской разведки в противовес британской экспансии вблизи границ Русского Туркестана. Об этом говорит и само название его первой официальной должности по Военному ведомству — «чиновник для усиления личного состава Главного управления Туркестанского края».

Согласно отчету М.С. Андреева от 22 октября 1907 г. о его деятельности в Индии (док. № 172) [Русско-индийские 1999: 231–239], он прожил в Бомбее более года, а в мае 1907 г. отправился через Дели, Агру, Лахор, Равалпинди в Сринагар. Совместно с капитаном генерального штаба П.А. Половцовым они покинули Сринагар 18 июня 1907 г. М.С. Андреев посетил Пенджаб, долину реки Джелам, Кашмир. 8 августа он выехал из Сринагара в Лех (столица Ладакха) и 17 августа прибыл в Таш-Курганский пост в Восточном Туркестане, оттуда к озеру Зоркуль по верховьям р. Пяндж 26 сентября прибыл в Ош. По пути из Кашгара до Яркенда М.С. Андреев сделал около 200 фотографий.

Состоявший при русском консульстве в Бомбее чиновник М.С. Андреев по возвращении из Индии представил туркестанскому генерал-губернатору доклад «Об английской разведочной организации в Индии и сопредельных странах». Андреев считал, что в Индии разведка англичан делится на два вида: внешнюю и внутреннюю. Он с большим уважением отзывался о постановке разведывательного дела у британцев и отмечал, что *«англо-индийское правительство не щадит на это ни денег, ни усилий»*. *«Правительство умело использует информацию разведывательных учреждений о положении в стране и сопредельных государствах, благодаря чему англичане еще удерживаются»* [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15/с. Д. 92. Л. 15. Цит. по: Греков 2000].

В сфере внешней разведки, по замечанию Андреева, англичане, как правило, для выполнения заданий в азиатских государствах использовали представителей местных племен или их

единоверцев. В Афганистан засылали только афганцев, в Персию — индийских шиитов, так как персы «не будут дружить с суннитами». В русский Туркестан, по мнению Андреева, отправляли всех без разбора «и мусульман, и индусов, так как английские подданные, приезжающие сюда по торговым делам, принадлежат к представителям обеих религий и агентам легче скрыться среди них, не возбуждая никаких подозрений» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15/с. Д. 92. Л. 16. Цит. по: Греков 2000].

М.С. Андреев установил имена наиболее удачливых британских разведчиков, которые неоднократно бывали в Туркестане и никем не раскрытые возвращались в Индию. Ша-Заман из племени устуриани около года разъезжал по русскому Туркестану и беспрепятственно покинул пределы империи через Кушку. Самаркандец Ходжа Абду-Саттар по заданию полковника Дина отправился в Туркестан и более двух с половиной лет жил там у своих родственников. Бывший служащий бомбейской полиции Хамид-уд-дин Ахмад преподавал индустану на курсах восточных языков в Ташкенте [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15/с. Д. 92. Л. 16. Цит. по: Греков 2000].

18/31 августа 1907 г. в Петербурге было подписано русско-английское соглашение о разделе сфер влияния в Иране, Афганистане и Средней Азии. Общество Востоковедения командировало М.С. Андреева в Среднюю Азию «*посетить южный склон Гиндукуша и изучить там местные наречия*», а также для сбора сведений о возможных рынках сбыта в Северной Индии российских товаров. Но чтобы не вызывать беспокойства британских властей в Пригиндукушском районе, товарищ министра иностранных дел гофмейстер Н.В. Сарыков в письме от 8 мая 1908 г. начальнику Генерального штаба Ф.Ф. Палицыну рекомендовал командировать М.С. Андреева вместо северо-западной Индии в Китайский Туркестан [Русско-индийские 1999: 240–242].

Российское Генеральное консульство в Бомбее было открыто в 1900 г. Первый консул Василий (Уильям) Оскарович фон Клемм (1861–1938) прибыл в Бомбей 22 ноября 1900 г. Он просил прикомандировать к консульству драгомана — переводчика языка

урду (хиндустани) [Русско-индийские 1999: 27]. В конце 1905 г. России удалось добиться от Великобритании официального признания за российским представителем звания генерального консула [Русско-индийские 1999: 39].

В 1906–1907 гг. императорским Генеральным консулом в Бомбее был Александр Александрович Половцев, в 1908 г. — Альфонс Альфонсович Гейкинг (1860–1930). 26 мая 1908 г. барон А.А. Гейкинг возбудил вопрос о перемещении Генерального консульства из Бомбея в Калькутту [Российско-индийские 1999: 292], на что было получено согласие британского правительства.

Вторая поездка М.С. Андреева в Индию планировалась на конец 1907 — начало 1908 г. Начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын обратился к министру иностранных дел А.П. Извольскому с просьбой создать прикрытие для М.С. Андреева. В результате была достигнута договоренность, что *«М.С. Андреев не будет ни в каком случае проживать в Бомбее — месте пребывания российского Генерального консульства. В прочих же местностях Индии М.С. Андрееву, по соглашению министра иностранных дел и начальника Генерального штаба, нахождение разрешено»* [АВПРИ. Ф. 137. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1037. Л. 139–140 об. Цит. по: Русско-индийские 1999: 331]. Он был прикомандирован к консульству в Бомбее (при консуле А.А. Гейкинге) *«для производства разведок»* [Загородникова 2001: 105].

В иных документах и в описаниях его биографии он фигурировал и как секретарь консула, и как переводчик.

Секретарь российского Генерального консульства в Калькутте по своему характеру в действительности соответствовал вице-консулу (у французов) или *Consular Attaché* у немцев и австрийцев; при Генеральном консульстве предлагалось установить должность драгомана, на какую назначался бы чиновник, знакомый с языком индустани [Русско-индийские 1999: 297].

Генеральное консульство в Бомбее было упразднено в 1909 г. Императорским Генеральным консулом в Индии с местопребыванием в городе Калькутте был назначен коллежский советник Борис Константинович Арсеньев (1874–1925). Российское Гене-

ральное консульство начало работать в Калькутте 22 февраля 1910 г. Министерство иностранных дел просило экзекватуры на звание Генерального консула в их владениях на территории Индостана у правительств Франции (Пондишери, Чандлернагар, др.) и Португалии (Гоа, Диу, Даман, др.), т.е. о признании Генерального консула в Калькутте консулом Российской империи и в этих колониях [Русско-индийское 1999: 299–301].

Консул (в 1910–1912 гг.) Б.К. Арсеньев рассматривал возможность оставить внештатным вице-консулом в Бомбее *«хорошо известного Императорскому Министерству по недавней обширной переписке командированного военным ведомством в Индию коллежского регистратора Андреева»*. Арсеньев констатировал, что в течение последних лет в Бомбее для Андреева складывались благоприятные обстоятельства: *«Там к нему все уже давно привыкли, считая его за ученого филолога, посвящающего свои досуги посещению своих соотечественников. Переезд же его сюда вслед за Генеральным консульством может легко вызвать вполне естественное удивление, в затем и подозрение здешней полиции, кадры которой подобраны гораздо более тщательно, чем в Бомбее»*.

Арсеньев высказывал опасения по поводу переезда М.С. Андреева, негласного агента Генерального штаба, в Калькутту за Генеральным консульством. Но при этом писал:

«Считаю своим долгом присовокупить, что, поскольку я мог заключить во время краткого моего пребывания в Бомбее, г. Андреев имеет все данные для того, чтобы с пользой для дела занять место нештатного консульского представителя нашего в сем городе. Он производит впечатление вполне культурного человека, хорошо говорящего по-английски и недурно по-французски. Отличное знакомство его с северо-западной Индией и прилегающими к ней странами, о которых здесь так трудно что-нибудь узнавать, могло бы очень пригодиться Генеральному консульству, для коего г. Андреев в качестве подведомственного ему агента мог бы служить ценным источником осведомления» [Русско-индийские 1999: 323–324].

12728 Июнь 1910
Бомбей.

Милостивый Государь

Василий Васильевич,

Понимаю глубоко благодарить Вас за Ваше любезное письмо. Я был бы очень рад, если бы смогу оказаться чьим-нибудь покровителем для Музея или своим пребыванием в Индии непосредственно и проведая время в музеях или картинг-галереях, через отправку в индийских библиотеках Королевского Азиатского Общества, членом которого состою (Bombay Branch), или в издании-нибудь другого отечества. Все, что я смогу, я сделаю сь большим удовольствием.

В дополнение кь тому, что я писал раньше относительно частой посещения дома, в виду любезно выраженного Вами желания возвратить мне уплаченные мною деньги, имей честь препроводить у меня некоторое количество у меня счета на общей сложности на сумму 400 индийских рупий 7 анна, т.е. около 200 рублей. Если не представятся затруднениями,

Его Высочеству
В. В.
Г а д а о в у .

покорнейше просил бы внести деньги в Русско-Индийской Банки в С. Петербурге на текущий счет на мое имя.

Среди предлагаемых при настоящем письме документов есть также страховая квитанция (N 5051) на посланный груз, страхующая его против всякого риска в пути, в том числе и против повреждения упаковки.

Покорнейше прошу принять уверения во моем совершенном почтении и глубокой преданности

М. С. Андреев.

Адрес: Российское Генеральное Консульство в Мальдуги
№ 1. М. П. А н д р е е в, Marine Road, Bombay.

Рис. 2. Письмо М.С. Андреева из Бомбея 12/25.06.1910
[СПФ АРАН. Ф.142. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 79]

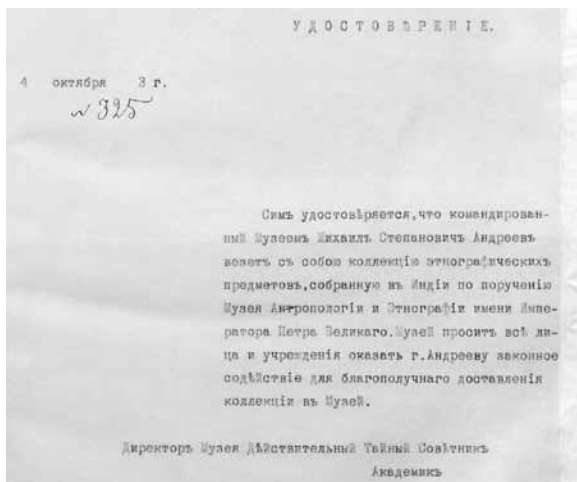

Рис. 3. Удостоверение, выписанное М.С. Андрееву 4.10.1913 г.
[СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 93]

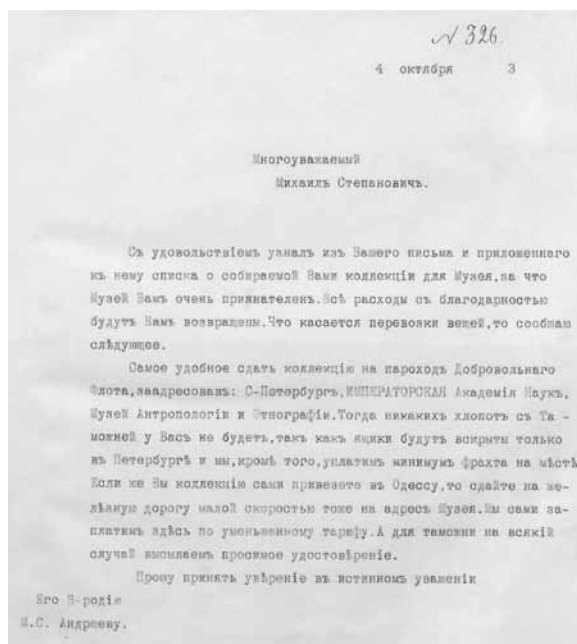

Рис. 4. Письмо из МАЭ к М.С. Андрееву от 4.10.1913 г.
[СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 94]

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов на эти соображения привел возражения посла в Лондоне гофмейстера графа А.К. Бенкендорфа, что

«работа коллежского регистратора Андреева в Индии далеко не проходит незамеченной. Хотя и не имеется к тому каких-либо определенных доказательств, посол, однако, уверен, что англичане нисколько не заблуждаются насчет истинного характера деятельности г. Андреева и не поднимают об этом вопроса лишь потому, что считают эту деятельность для себя пока вполне безвредной. Это отношение может, однако, легко перемениться, если г. Андреев явится в Бомбей уже в роли официального представителя» [Русско-индийские 1999: 254].

Но мы не будем вдаваться в детали специфической работы М.С. Андреева в этот период, которая имела свои немалые сложности и даже создавала некоторые ограничения для него в передвижении по региону Южной Азии. Поскольку для нас в данном случае важнее другая сторона его трудов, а именно подробности его научно-собирательской деятельности, которую он, оставаясь верным своей страсти исследователя, продолжал и здесь.

В общей сложности М.С. Андреев был связан с регионом Южной Азии с 1905 и не менее как до 1914 г. Однако пребывание в Индии прерывалось его отъездами на родину. Так, в 1907 г. М.С. Андреев совершил поездку в Среднюю Азию. Это было нелегкое путешествие, сопряженное со многими рисками: сначала из Кашмира он проехал через Гималаи в Западный Тибет, оттуда через Яркенд, Ташкуртан и озеро Зоркуль достиг Памира (Вахан, Шугнан, Восточный Памир) и затем проехал в Ферганскую долину. Пока не удастся установить точные маршруты передвижений М.С. Андреева по Индии, но более всего его пути касались западного побережья и прилегающих к нему районов от севера до юга. Это подтверждается и собранными им коллекциями. Вероятно, ему был интересен и северо-западный регион: ведь

недаром он изучал хиндустани, имевший здесь распространение, а также и афганское наречие. Возможно, он навещивался или по временам останавливался в ней в тот период, когда в Калькутту было переведено российское консульство (именно здесь в определенный период был его почтовый адрес).

Так или иначе, и здесь, в Индии, сколь бы ни был он занят своими особыми государственными заданиями, М.С. Андреев проявил свою страсть к изучению новых языков и новой для него культуры. М.С. Андреев начал изучать языки хиндустани и пушту, а также собирать этнографические коллекции. В этой области своей деятельности, как показывают специалисты, М.С. Андреев добился немалых успехов. В начале 1910 г. в Бомбее с М.С. Андреевым встречался профессор Ф.И. Щербатской [Русско-индийские 1999: 254].

В Индии М.С. Андреев собрал три содержательные и оригинальные коллекции, которые поступили в Музей антропологии и этнографии в Петербурге. Перипетии их сбора и передачи в музей, а также описание их состава и характеристика содержания будут даны нами в следующем разделе книги. А пока отметим, что в этой собирательской деятельности снова ярко проявились его талант ученого, умение увидеть главное и оригинальное в изучаемом предмете, страстность исследователя, высокая общая культура.

Позже он вернулся в родной Туркестан и стал работать инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самаркандской области. Следует отметить, что после возвращения М.С. Андреева в Россию академик Ф.И. Щербатской, высоко оценивая его знания (прежде всего как лингвиста), пробовал уговорить его переехать в Петербург для преподавания языков хиндустани и пушту на факультете восточных языков Петроградского университета. Но М.С. Андреев не захотел уезжать из Средней Азии и ответил отказом.

Во время своих многочисленных поездок по вверенному ему округу, а затем будучи временно привлеченным к деятельности советской миссии в Кабуле, он продолжил заниматься сборами этнографических коллекций, часть которых поступила и в МАЭ.

Заметим, что к концу 1930 г. М.С. Андреев стал профессором, главой двух кафедр и заместителем директора Объединенного Государственного НИИ Таджикской ССР.

Существуют предположения, что, живя в Ташкенте с 1914 г., М.С. Андреев временами выезжал в Индию вплоть до 1916 г.

После 1914 г. он в основном сосредоточил свои усилия, помимо исполнения должностных обязанностей, на изучении Туркестанского края. Во время многочисленных служебных поездок по вверенному ему округу М.С. Андреев не переставал заниматься сбором этнографических коллекций. И в этом он снова получил поддержку МАЭ. Директор музея хлопочет перед генерал-губернатором Туркестанского края, чтобы ему были предоставлены такие возможности:

«23 мая 1914 г. Его Высокопревосходительству Туркестанскому Генерал-Губернатору.

Музей Антропологии и Этнографии, весьма заинтересованный системным изучением этнического состава Туркестана, желал бы использовать для этой цели лингвистический опыт и знание страны вновь назначенного Инспектора народных училищ Самаркандского округа М.С. Андреева. Музей поэтому обращается с просьбой к Вашему Высокопревосходительству разрешить г. Андрееву принять на себя поручение Музея о собирании этнографического материала и вместе с тем не отказать в распоряжении местным властям в оказании ему посильного содействия. Директор Музея Академик В.В. Радлов» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 412].

М.С. Андреев получает ради этих целей Открытый лист [Там же. Л. 397] и специальное разрешение «собрать этнографический материал в Туркестане» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 67. Л. 207, 213].

Эту деятельность М.С. Андреев продолжил и после революции 1917 г. В 1918 г. он был назначен комиссаром народных

училищ в одном из районов Самаркандской области, не уставал всячески способствовать развитию научной работы и научных организаций в любимом им крае. Вместе с другими энтузиастами хлопотал об открытии восточного факультета в созданном в Ташкенте Туркестанском народном университете. С 1918 по 1920 гг. он являлся ректором еще одного нового научного учреждения — Туркестанского восточного института, впоследствии преобразованного в Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета с двумя отделениями — этнолингвистическим и педагогическим. Здесь М.С. Андреев читал курсы лекций по языку и этнографии таджиков.

В эти же годы в качестве консультанта он работал и в специальном представительстве Наркомата иностранных дел РФ по разграничению с Афганистаном.

Не без его участия в 1921 г. была создана специальная Научная комиссия по обследованию быта коренного населения Туркестана, в которой председателем назначили профессора В.Н. Куна, а место ученого секретаря занял он сам.

В 1925 г. М.С. Андреев выступил членом-учредителем и членом постоянного президиума «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», а также главой историко-филологического и этнографического отделов этого общества.

Несмотря на то что М.С. Андреев погрузился в работу в Средней Азии, его контакты с МАЭ продолжались. ИФО РАН 9 апреля 1924 г. по предложению С.Ф. Ольденбурга разрешило *«выдать М.С. Андрееву 25 экз. его работы “Язгулемские глаголы” и корректуру “Хуфские глаголы”*, чтобы он мог прочитать ее во время пребывания в Ленинграде [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1924. Ед. хр. 173. Л. 189 об.].

В 1920-е гг. часть собранных им в Средней Азии коллекций опять поступила в МАЭ. В 1925 г. И.И. Зарубин сообщал в Совет МАЭ, что в Среднеазиатский отдел поступило *«от М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой 14 игрушек горных таджиков»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925 г.). Ед. хр. 5. Л. 107]. За этот дар 7 марта 1925 г.

М.С. Андрееву была выражена благодарность [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925 г.). Ед. хр. 7. Л. 44]. Коллекция получила в МАЭ № 3083.

21 марта 1927 г. директор МАЭ принес М.С. Андрееву *«живейшую благодарность за пожертвованную для отдела Передней и Средней Азии коллекцию афганских кукол* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927 г.). Ед. хр. 7. Л. 40]. В коллекции МАЭ № 3458 представлены 20 предметов — куклы и другие игрушки таджиков и узбеков.

Временами М.С. Андреев обращался и к археологическим изысканиям. Каждый новый год приносил ему новые достижения в научной деятельности.

В 1929 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В конце 1930 г. «Общество для изучения Таджикистана...» преобразуют в секцию Объединенного Государственного НИИ Таджикской ССР, где, как говорилось выше, М.С. Андреев выступил уже как профессор, глава двух кафедр и заместитель директора института.

При всей карьерной удачливости не избежал М.С. Андреев и мрачных событий, характерных для общественной жизни СССР в 30-е годы XX в. Его дважды в течение 1931–1939 гг. подвергали репрессиям. В 1931 г. он был арестован и несколько месяцев находился в заключении по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группе, затем на три года сослан в Алма-Ату. Но даже в ссылке он продолжал научную работу: читал курс таджикского языка в Казахском педагогическом институте. Вернувшись в 1934 г. в Ташкент, М.С. Андреев некоторое время работал консультантом по среднеазиатскому искусству при Музее искусств Узбекской ССР. Однако в августе 1938 г. он был вторично арестован, и ему предъявили обвинение в «контрреволюционной деятельности». К счастью, через год дело прекратили за недоказанностью (полная же реабилитация была объявлена лишь в 1990 г.).

С 1940 по 1947 гг. дела складывались достаточно благоприятно. М.С. Андреев был назначен на интересные должности (член Высшего учебно-методического совета при Наркомате просве-

щения Узбекской ССР, заведующий отделом этнографии Института истории и археологии АН Узбекской ССР) и получил почетные звания (с 1943 г. он действительный член АН Узбекской ССР, с 1944 г. — заслуженный деятель науки Таджикской ССР, с 1945 г. — заслуженный деятель науки Узбекской ССР).

В 1947 г. М.С. Андреев переезжает в столицу Таджикской ССР Сталинабад (ныне г. Душанбе). Тут ему предложена работа в Институте истории, археологии и этнографии Таджикского филиала АН СССР. А также он занимается организацией местного Музея археологии и этнографии. Однако 10 ноября 1948 г. здесь, в Сталинабаде, его настигает смерть.

Яркий, красивый путь жизни, плодотворные усилия неутомимого труженика, впечатляющие результаты научных изысканий. Что-то здесь от уникальной личности человека, а что-то — и от определенной эпохи в русской науке, от ее энтузиазма и благородных традиций. А в целом — прекрасные для нас уроки исследовательской увлеченности, широты воззрений, преданности делу, людям и краю, которым служишь. Впечатляют громадность интересов и комплексный подход в изучении традиционных культур. Все это проявилось и в индологическом, казалось бы, отчасти случайном для М.С. Андреева, русле его деятельности, запечатлелось на «индийской странице» его жизни, к которой мы теперь и переходим.